

4. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1974. – 319 с.
5. Харитончик З.А. Проблемы словообразования в современном английском языке / З.А. Харитончик. – Минск: МГПИИЯ, 1983. – 118 с.
6. Jespersen O. The ending –estre / O. Jespersen // The Modern Language Review. – Vol. 22. – 1927. – # 2. – P. 129-136.
7. Kastovsky D. The Old English suffix –er(e) / D. Kastovsky // Anglia. – 1971. – V. 89. – Н. 3. – P. 285-325.
8. Quirk R., Wrenn C.L. An Old English Grammar / R. Quirk, C.L. Wrenn. – London: Methuen Co. Ltd., 1976. – 166 p.

Summary. The article deals with the affixational word-formation of nouns in Old English. The most productive affixes and their lexico-grammatical meanings in the process of derivation have been analyzed.

Key words: derivation, affixation, stem, suffix, prefix.

Отримано: 29.07.2012 р.

УДК 821.161.1 – 1 «19/20»

Ю.В. Поддубко

ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ А. КУШНЕРА «РИМСКИЙ УЗОР»

Статтю присвячено аналізу циклу Олександра Кушнера «Римський візерунок». Показано, що змістоутворюючими мотивами, які визначили цілісність циклу, стали мотиви пам'яті, слави, влади, людської гідності, любові. Кушнер уявляє історію людства як єдиний потік, тому епоха Римської імперії не відокремлена від майбутнього часу, а співіснує в свідомості ліричного героя циклу з сучасністю. Кожна людина є відповідальною за збереження справжніх цінностей.

Ключові слова: цикл, мотив, образ, сюжет, ліричний герой, культура, історія.

Александр Кушнер вошел в историю русской литературы, прежде всего, своими стихотворениями, собранными в отдельных поэтических сборниках, а также статьями о русской литературе. В книгах стихов Кушнер чаще всего располагает произведения по разделам. Однако до последнего времени поэт практически не обращался к такому жанрообразованию, как лирический цикл. Исключением стал опубликованный в 2006 году на страницах журнала «Новый берег» (№12) цикл стихотворений «Римский узор». Все шесть произведений, включенные самим автором в этот цикл, уже печатались ранее в различных сборниках поэта – «Таврический сад» (1984), «Дневные сны» (1986), «Живая изгородь» (1988). Но в журнальном варианте они были осмыслены поэтом как некое смысловое единство. Можно было бы предположить, что все шесть стихотворений связаны лишь единой тематикой, обращением к римским ассоциациям, что, несомненно, отражает круг интересов А. Кушнера. Но, думается, что единство этой группы стихотворений обусловлено значительно более сложными причинами. Сам автор в предисловии к публикации цикла проводит параллель двух империй – Римской и советской. По мысли поэта, все империи имеют общие типологические черты: «то же представление о могуществе и величии, то же приношение частной жизни в жертву государству, то же стремление частного человека к обретению «тайной свободы», та же обреченность этой власти и государства на крушение и гибель» [3]. Конкретно советское государство представляется поэту прямым наследником Российской империи: «военная сила, подавление личности, стремление к славе, высокое предназначение литературы, любовь как прибежище и защита от тяжелого морока официальной идеологии – все это родовые, общие черты...» [3].

В своем лирическом цикле Александр Кушнер размышляет и о природе власти, значимости славы, смысле бессмертия, и о таких непреходящих человеческих ценностях, как любовь, мужество. По признанию самого поэта, в том порядке, в котором расположены написанные ранее стихотворения, они обретают «некий смысл» [3].

Опираясь на труды таких известных ученых о жанре цикла в русской поэзии, как В.А. Сапогов, М.Н. Дарвин, Л.В. Спроге, И.В. Фоменко, Л.Е. Ляпина [1; 4; 5; 6], мы ставим целью данной статьи рассмотреть стихотворения «Римского узора» как циклическое единство. В.А. Сапогов определял лирический цикл как «новый жанр, стоящий где-то между тематической подборкой стихотворений и поэмой» [5, 90]. Жанровыми чертами лирического цикла Сапогов считал на-

личие «лирического сюжета» и целостность текста: «Лирический цикл – это целостный текст («большое стихотворение», «лирическая поэма»), где каждое стихотворение, условно говоря, – часть, строфа» [6, 90]. М.Н. Дарвин в монографии «Русский лирический цикл», детально исследовав истоки зарождения и изучения проблемы цикла, акцентировал внимание на необходимости такого качества поэтического мышления, как «циклический способ изображения мира» [1, 121]. Впоследствии Л.Е. Ляпина поддержала эту мысль, отметив как характерное для XX века «явление литературной циклизации, т.е. объединения групп самостоятельных произведений в новые многокомпонентные художественные единства – циклы...» [4, 170].

«Римский узор» А. Кушнера до сих пор не был предметом специального изучения. Мы пытаемся восполнить этот пробел. Стихотворения, объединенные под этим заголовком, с нашей точки зрения, могут быть рассмотрены не только как некое тематическое единство, но и как жанровое образование. Их связывает общая проблематика, единый лирический герой, сквозной мотивно-образный ряд.

Цикл открывается стихотворением «Перед статуей», посвященным императору Гальбе. Став после свержения Нерона правителем Рима, Гальба недолго находился у кормила власти. Хотя он и проявил себя как мужественный воин, но не сумел закрепить свой успех, нажил множество врагов и был убит. Не случайно Тацит утверждал, что при чужом правлении Гальба был счастливее, чем при своем собственном. Характеризуя общую атмосферу и настрой эпохи его правления, древнеримский историк отмечал, что современники высоко оценивали этого воина и политика, когда он был частным лицом, и возлагали надежды на его правление до тех пор, пока он не стал императором [7, 156]. Свержение Нерона и недолгое правление Гальбы повлекло крах надежд на расцвет Римской империи.

Кушнер видит в этом деятеле древнего Рима неудачника: «Только год он и царствовал бедный, / Подозрительный...» [3]. Бюст императора наводит поэта на размышления о феномене человеческой памяти. И.А. Кудрявцева справедливо заметила, что «для героя А. Кушнера бессмертие ассоциируется с образом статуи» [2, 53]. По мнению поэта, короткое правление Гальбы было столь невыразительным, что недостойно долгой памяти. Стоя перед статуей Гальбы, лирический герой стихотворения размышляет о том, «что такое бессмертие, память, удачливость, власть...» [3]. Эта цепь понятий взаимосвязана. Человечество редко вспоминает о неудачливых, в памяти сохраняются мгновения жизни счастливых. Размышляя о судьбе Гальбы, герой опасается заразительности самой неудачи, сопутствовавшей императору. Мотив забвения находит развитие в образе застойной воды, скопившейся в складках каменной тоги Гальбы. Застойная вода символизирует равнодушное отношение потомков к судьбе императора. Забытая где-то в чужой стране скульптура, которой суждено было после смерти «оказаться в суровой, размытой дождями стране, / Где и собственных цезарей помнят едва ли...» [3], напоминает о горькой участи правителя. Забытый, никому не нужный на чужбине постамент олицетворяет последствия кратковременного правления хорошего человека, не прошедшего одно из самых сложных испытаний – властью. Достойный воин Гальба не стал таким же достойным императором для современников и потомков. Так, заброшенная статуя заставляет задуматься о смысле человеческой жизни и значимости его деятельности. Может быть, не всегда благодарна человеческая память, и «счастлив тот, кого сразу забыли»?

Между тем узор истории человечества пестрит разными фигурами, среди которых достойные и недостойные выполняют одну общую функцию – составляют единый рисунок. Второе стихотворение цикла – «Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон...» – открывало подраздел «Развернутый узор» в сборнике А. Кушнера «Дневные сны». Вместе с двумя другими стихотворениями, которые впоследствии Кушнер включил в анализируемый нами цикл, это произведение развивало мысль о развернутости истории в обе стороны – в прошлое и в будущее, о едином узоре развития человеческого бытия. В цикле «Римский узор» это стихотворение наполняет мотив памяти дополнительным смыслом. Первая строка задает возвышенный тон, словно демонстрируя шествие великих героев человеческой истории. Поэт продолжает размышлять над проблемой бессмертия. Лирический герой ощущает себя частью цепи мировых событий, участником происходящего. Такое восприятие времени характерно для поэтического мироощущения Кушнера. Поэт всегда подчеркивает единство человеческой культуры. Размещая себя в одном историческом ряду с римскими правителями, герой его стихотворения как бы примеряет возможность сосуществования с ними. Но цепочка имен римских императоров, которую «ни порвать, ни разбить, ни местами нельзя поменять» [3], позволяет задуматься о способах достижения власти. Перечисляя имена знаменитых римских императоров, герой радуется тому, что отделен от их времени длинной дистанцией: «Преимущество наше огромно, в две тысячи лет» [3]. Такое отдаление позволяет ему не опасаться реалий эпохи Римской империи, которые грозили людям того времени: «На таком расстоянии и я никого не боюсь. / Ни навету меня не достать, ни хуле, ни посулу» [3]. В развитии «мирового сюжета» лирический герой чувствует себя забежавшим вперед, в новое более безопасное для простого человека время.

Третье стихотворение цикла – «Перевалив через Альпы, варварский городок» – продолжает разговор о природе власти и человеческой славы. Стихотворение разделяется на две части, в которых в качестве действующих лиц выступают римский консул, проезжающий через небольшой провинциальный городок, и современный человек, лирический герой, посещающий те же места. Известное речение Цезаря о том, что лучше быть первым в захолустье, чем вторым в Риме, позволяет поразмыслить о неизменности человеческой природы. Жизненная позиция честолюбивого человека проявляется в желании властвовать. Лирический герой думает, что по прошествии множества веков этот афоризм должен был бы утратить свою актуальность. Но вопрос, задаваемый случайному попутчику, – «Как ты думаешь, изменился / Человек или он все тот же, словно пиния и самшит?» [3] – так и остается безответным.

Следующее стихотворение цикла – «На выбор смерть ему предложена была» – строится на противопоставлении двух жизненных позиций: «У греков – жизнь любить, у римлян – умирать» [3]. Перед ним два начала – созидательное и разрушительное: греки – ценители жизни, созерцающие красоту, любящие прекрасное, римляне – воинствующий народ, научившийся бесстрашно умирать. Что же составляет истинную ценность человеческого бытия – умение ценить дарованное богами богатство жизни или стремление преодолеть страх смерти и научиться умирать, не утратив достоинства? В разных культурах разное восприятие жизни. Так, греки предпочитают «звук тянуть на флейте, на цевнице», «торс лепить». Бесспорно, такое отношение к жизни близко самому поэту. Кушнер тяготеет к созиданию прекрасного, к простым радостям жизни. Но и позиция римлян, на наш взгляд, вызывает у поэта уважение. С детства римские воины были приучены воевать, у них можно «умирать с достоинством учиться» [3]. Мотив смерти выполняет сюжетобразующую функцию в этом стихотворении. Человек, готовящийся к смерти, «Цезаря благодарил за милость». Этой милостью стала возможность выбора способа ухода из жизни. Смерть «могла кинжалом быть, петлею быть могла», но подданный Цезаря выбрал яд. Однако и такая смерть остается насильственной. Скупое и уважительно констатирует лирический герой стихотворения то мужество и достоинство, с которым римлянин уходит из жизни: «Он отдал плащ рабу и свет велел гасить» [3].

Тема смерти находит свое продолжение и в стихотворении «Какой, Октавия, сегодня ветер сильный!». Оно было опубликовано в сборнике «Таврический сад» (1984). Центральный образ стихотворения – несчастная жена Нерона Октавия. Жестоко убитая по приказанию мужа, она вошла в историю как символ невинной жертвы и олицетворение жестокости нравов римского общества времен Нерона. Незабываемое описание страшных мучений молодой женщины дал Тацит в своем историческом труде. Несчастную судьбу женщины и ее «злую смерть» лирическому герою напоминает увиденный «куст истерзаный»: «Как будто Тацита читала эта крона / И вот заламывает ветви в вышине» [3]. «Заламываемые ветви» ассоциируются с жестами страдающей женщины. Поэт использует в описании событий усиливающие и придающие напряженность стихотворению образы природы: грузные тучи, остров, стынущий среди пустынных вод, чей «блеск несносный, стальной, пронзительный» не дает отвести взгляд. Природа словно сопереживает страданиям героини, не случайно упоминается Тирренское море и остров, на который, как известно, была сослана Октавия накануне казни. Ее судьба, безусловно, волнует душу героя, хотя он и пытается отрешиться от столь давней истории: «Мне есть, Октавия, о ком жалеть (и поздно, / И дело давнее), кроме тебя, прости» [3]. Но эти финальные строчки на фоне трагической эмоциональной атмосферы всего стихотворения утрачивают свою убедительность. Для лирического героя Кушнера характерно ощущение единой цепи времен, в которой каждое звено неразрывно связано с остальными. Событие, произошедшее множество столетий назад, остается фактом судьбы и современного человека.

Последнее стихотворение цикла «Римский узор» – «Как писал Катулл...» – включает новый смысловой регистр. Оно венчает размышления поэта над природой человеческих страстей. Ни слава, ни власть, ни даже смерть не вершат судьбы человечества. Истинной ценностью, достойной сохранения в веках, является только любовь. Размышляя над мотивами памяти, удачливости, сопереживания, поэт заканчивает цикл перекличкой со стихотворением Катулла «Кажется мне тот богоравным...», приводя строки из него «Звон и шум, – писал ты, – в ушах заглохших, / И затмились очи ночью тенью...» [3]. Лирический герой последнего стихотворения кушнеровского цикла соглашается с известным древнеримским поэтом относительно состояния влюбленного человека: «Отлетает слух, изменяет зренья / Рядом с той, чья речь и волшебный образ / Так и этак тешат нас в отдаленье» [3]. Это чувство влюбленности не чуждо герою: «Помню, помню томление это, склонность / Видеть все в искаженном, слепящем свете» [3]. Однако в противовес Катуллу лирический герой именуется подобное состояние души влюбленностью: «Не любовь, Катулл, это, а влюбленность» [3]. При этом возникает параллель с поэзией XX века. Кушнер упоминает сборник любовной лирики М. Кузмина «Сети» («Наш поэт даже книгу назвал так: «Сети»), намекая на то, что человек часто попадает в зависимость от этого чувства. Но все же важнейшей целью челове-

ческой жизни он признает именно любовь: «О, дожить до любви! До великих новшеств! / Пищу слуху давать и работу – зренью» [3].

В таком порядке стихотворения Кушнера приобретают особое звучание. Общий мотивный ряд определяет их смысловое единство. Размышления о человеческой памяти, цене славы, судьбе отдельно взятого человека в эпоху культа личности выносятся на первый план. Поэт стремится привести читателя к мысли, что, несмотря на все перемены, неизменными остаются вечные ценности, такие как достоинство, любовь, мужество.

Список использованных источников

9. Дарвин М. Н. Русский лирический цикл : проблемы истории и теории / М. Н. Дарвин. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. – 144 с.
1. Кудрявцева И. А. Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера : дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 / И. А. Кудрявцева – Череповец, 2004. – 184 с.
2. Кушнер А. С. Римский узор [Электронный ресурс] / А. Кушнер // Новый берег. – 2006. – № 12. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/bereg/2006/12/ku8.html>
3. Ляпина Л. Е. Литературная циклизация (к истории изучения) / Л. Е. Ляпина // Русская литература. – 1998. – № 1. – С. 170–177.
4. Сапогов В. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока / В. Сапогов // Язык и стиль художественного произведения : тезисы докладов. – М., 1966. – С. 90–91.
5. Сапогов В. А. Сюжет в лирическом цикле / В. А. Сапогов // Сюжетосложение в русской литературе : сборник статей. – Даугавпилс, 1980. – С. 90–97.
6. Федорова Е. В. Люди императорского Рима / Е. В. Федорова. – М. : Издательство МГУ, 1990. – 366 с.

Summary. This article is devoted to the analysis of Alexandr Kushner's cycle «Roman pattern». It is shown that senseforming motives which define the integrity of this cycle are the motives of memory, glory, power, human dignity, love. Kushner imagines the history of humanity as a common line therefore the epoch of the Roman Empire isn't separated from future but coexists with its present time in the lyric hero's consciousness. Every person is responsible for keeping genuine values.

Key words: cycle, motif, image, plot, lyric hero, culture, history.

Отримано: 2.07.2012 р.

УДК: 007:070

О.І. Почапська-Красуцька

ФЕНОМЕН НАЦІОНАЛЬНОЇ САМОІДЕНТИФІКАЦІЇ У ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ МИСЛЕННІ ЮРІЯ ВИННИЧУКА (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПОЛІТИЧНИХ КОМЕНТАРІВ У ГАЗЕТІ «POSTPOSTUP»)

У статті мова йде про особливості та етапи еволюції публіцистичного мислення Юрія Винничука. Автор звертає увагу на особливості виявлення феномену національної самоідентифікації у політичних коментарях письменника, опублікованих у газеті «PostPostup».

Ключові слова: політичний коментар, публіцистичне мислення, національна самоідентифікація, мас-медіа.

Остання чверть ХХ століття і більшою мірою вже ХХІ ознаменувалися масштабністю та всеохопністю світових глобалізаційних та глокалізаційних процесів і, водночас, різким відмежуванням особистості від соціального простору. В свою чергу, глобалізаційні процеси та швидкий науково-технічний прогрес (НТП) спричинили пришвидшення світових інформаційних потоків і, як наслідок, – надмірну інформатизацію суспільства, що виявилася одним із факторів інтелектуалізації особистості.

Звичайно, ЗМІ, як найоперативніший засіб і найзручніша форма передачі інформації, не могли залишитися осторонь від особистісного відмежування, – з'явилися так звані «конвергентні», або «нові медіа», особливістю яких є поєднання властивостей відео-, аудіо- та друкованих видань. Окрім того, у них з'явився ще один ресурс, за допомогою якого читачі можуть створювати влас-